

Родился я в Ленинграде, тогда в Петрограде. В связи с войной название «Санкт-Петербург» звучало слишком уж по-немецки, и город был переименован в Петроград. Кажется, это случилось в 1915 году. Мама была — не знаю, как это сказать — маленьким чиновником (служащей, на современном языке). Отец был студентом биофака университета, который, к слову сказать, давал и медицинское образование. Мой дед был крупным врачом, генералом медицинской службы, профессором Военно-медицинской академии и лейб-медиком, то есть лечил царскую семью. Был он человек не простой. (У меня и по линии отца, и по линии матери предки «скандальные».) Как было принято в то время, у деда был и частный прием по определенным дням в указанные часы. Прием заканчивался в шесть вечера. Как-то в конце приема приехал адъютант брата царя и заявил, что Его Высочество придет к семи часам.

— Прием заканчивается в шесть, и я принять не смогу, — ответил дед.

Однако Его Высочество приехало и не было принято. Деду было приказано в 24 часа покинуть Петербург «за оскорбление императорской семьи». Так мой дед оказался в Париже, где организовал клинику. В 1912 году его вместе с персоналом пригласили работать в Петербург в клинику Великой княгини Елены Павловны. В 1918 году он был избран первым директором клиники, которая стала потом Институтом усовершенствования врачей. В 1919 году дед оказался в Кисловодске, где у него был свой дом. Там он и умер. Умер тоже необычно. До сих пор не могу себе простить, что не украл брошюры с выставки, где была описана эта история.

...Это были годы гражданской войны. Кисловодск переходил из рук в руки. В очередной раз пришли «красные» и деда потребовали к заболевшему председателю ЧК. Дед сказал, что он и сам болен, и ехать отказался. Но его завернули в шинель и привезли в ЧК. Председатель ЧК был умным человеком. Выслушал деда, извинился и отправил его домой на своей машине. Но дед оделся и пешком вернулся к больному, осмотрел, назначил лечение. А сам слег с воспалением легких и вскоре умер.

Со стороны матери дед был, по моему, бухгалтером, каким-то счетным работником. Он учил меня считать и решать задачи во время прогулок по московским бульварам. Мы жили тогда на Петровке, 20. Я помню его уроки почти до 30-го года. Потом, когда в школе я узнал про уравнивания, то не мог понять, а зачем они, когда задачи решаются в уме?

Я знаком с семьей поколениями своей семьи. Помню прадеда, отца бабушки, старика с большой седой бородой, к которому меня бабушка возила в 1927 году. У него было 24 ребенка от одной(!) жены. В молодости он был егерем на царской охоте, недалеко от Петергофа. Что-то не понравилось одному из великих князей, и он вытянул прадеда плеткой. Тот не стерпел, стащил обидчика с коня и тоже стегнул его плеткой. Прадеду дали 10 лет каторги, так как смертная казнь применялась с 18 лет, а ему было только 17.

Сидел он и при советской власти. Вместе с сыновьями «держал» конный завод и чем-то не понравился местной власти. Его сослали в Воркуту в 1930 году. Но ленинградская областная власть со многими другими вернула его домой. Дело было в марте, поезд встал недалеко от Ленинграда на целый день. Он нагрел два ведра воды на костре и решил вымыться прямо у

поезда. Простудился и вскоре умер, в 96 лет. А теперь у меня 5 правнучек и один правнук. Как раз семь поколений!

Отец мой пошел добровольцем на первую мировую войну, получил Георгия. Он был летчиком-наблюдателем у Степана Андреевича Ноздровского, известного русского летчика. Это — самый интересный человек, с которым я был очень хорошо знаком в своей жизни. Степан Андреевич — бывший колчаковский офицер, получил орден Красного Знамени в гражданскую войну. О нем можно дол-

20 ноября 2002 года Михаилу Кирилловичу Романовскому исполняется 85 лет. Возраст — достойный уважения, а с учетом пройденного и сделанного за эти годы — уважения и почтения вдвойне. Студент, офицер — участник Великой Отечественной войны, научный сотрудник ЛИПАН, инспектор ЦК КПСС, заместитель И.В. Курчатова по политработе, заместитель Л.А. Арцимовича в ОПИ — вот основные этапы его жизненного пути. М.К. остался одним из немногих действующих сотрудников института, кто долгие годы работал бок о бок с И.В. Курчатовым, столетие которого наша страна будет отмечать в январе следующего года. Так что воспоминания М.К. Романовского — ровесника советского периода России, участника Великой Отечественной войны, непосредственно работавшего над созданием атомного щита для нашей страны, а затем атомной энергетики для будущего — представляют не только познавательный, но и исторический интерес. Наш разговор с Михаилом Кирилловичем мы записали на пленку и постарались переложить на бумагу все, как есть, со всеми отклонениями от хронологической и биографической последовательности.

□ ...и мудрость.

го рассказывать... Преподавал в Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского, работал в ЦАГИ, МАИ. В 1937 году ему запретили читать лекции. Нормальный человек в то время сидел бы молча и ждал своей участи. А он отправился на Лубянку и заявил: «Если я виноват — судите меня. А если нет — почему меня отстранили от лекций?» Нарвался на умного дежурного. Тот полистал какие-то бумаги и сказал: «А у нас к вам претензий нет, обращайтесь в ЦК партии», — и дал номер телефона. Он пошел в ЦК, а оттуда его послали на Лубянку.

— Так я там был, и они направили меня сюда!

— А, хорошо. Звоните через неделю.

Через три дня ему позвонили из академии и попросили продолжить курс лекций. Этот рассказ я слышал с его слов.

Я несколько отвлёкся... Семья наша в 1918 году оказалась на Украине, в селе Злодеевка. Там нас подосадили ограбили бандиты. После демобилизации из армии отца назначили агрономом в военхоз. А умер он от воспаления среднего уха на операционном столе. Позже я нашел запись в его бумагах: «От операции или умрешь, или с ума сойдешь».

Мы с бабушкой вернулись в Москву, где я в 1925 году поступил в школу № 48 им. Бубнова. Она находилась на Большой Никитской рядом с посольством Японии. Это был период «орабочивания» школ с целью разбавления интеллигенции. К нам директором назначили рабочего Пантелея Абрамовича Токарева. А одним из учеников был карманный вор, который приезжал в школу на такси. В школе были обязательные уроки труда, нас учили переплетному делу. Я учился вместе с племянником поэта Александра Безымен-

кого Гришей. После нас еще не раз сводила судьба.

В 1930 году мама решила перебраться в Ленинград, а меня отправили к тетке в Свердловск. Школьная компания там подобралась «веселая», четырех человек расстреляли за бандитизм. Меня от греха подальше отправили к маме в Ленинград в начале 1931 года. Мы жили на Петроградской стороне в известном «бандитском» доме (ул. Зеленина, 16), где каждый месяц кого-нибудь убивали. В 1936 году я закончил школу № 200 в Певческом переулке.

вышибли, и я разговорился с начальником метеостанции. Он посоветовал, что важные метеосводки приходится передавать по радию и часто происходят перебои и ошибки. Вот было бы здорово передавать визуально, прямо на пульт управления. Для меня эта задача показалась простой, поскольку во время учебы в Ленинградском электротехническом институте я был знаком с ТОЗом — техникой особого значения. Да и моя специальность была «управление по радию». Написали мы письмо начальнику метеослужбы армии Фе-

□ Молодость...

М. РОМАНОВСКИЙ:

«Я знаком с семьей поколениями своей семьи»

Поступил в ЛЭТИ и готовил дипломную работу по самонаводящимся торпедам, но по не зависящим от меня причинам тему пришлось сменить на «Измерение давления в канале артиллерийского ствола». Звание инженера-электрика мне присвоили без защиты.

16 июля 1941 года пошел добровольцем на фронт. Это было не просто. В военкомат не пускали, но мне помог комиссар Николай Васильевич Скворцов, который преподавал до войны в ЛЭТИ и знал меня как старшину потока. Я просил направить меня в Академию ВМФ, но нужен был стаж службы на флоте. Направили в Академию связи. Там я практически преподавал радиотехнику. На фронте не хватало офицеров связи, и всему курсу 26 октября присвоили звание младших лейтенантов и направили в действующую армию. До 16 ноября я был в Ленинграде, затем на последнем эсминце, отталкиваясь от льдин баграми, вышли на Ладогу. Потом оказались в Окуловке, Вологде, где я получил назначение в Сибирский военный округ. В 1942—1943 годах побывал на Северо-Западном, Западном, Белорусском фронтах.

В 49-й армии (бывшее ополчение Москвы) меня назначили начальником армейской мастерской связи, затем помощником начальника связи армии. Войну закончил в чине капитана, но на полковничий должности.

Вспомнил любопытный эпизод времен войны. Под Калугой шло переформирование нашей 146-й Отдельной курсантской стрелковой бригады в 61-ю дивизию. Это происходило около аэродрома, в 1943 году. Однажды офицеры штаба играли с работниками метеостанции на «мусор», «на вылет», как теперь говорят. Нашу команду

дорову, одному из папанинцев. А через неделю или две произошла потрясающая штука: за мной пришел самолет из Москвы с предписанием за подписью начальника Генштаба (кажется, тогда им был Антонов) откомандировать сроком на две недели в распоряжение НИИ-88. Мои армейские начальники думали, что я уже не вернусь, останусь в Москве...

Директором института тогда был Байдуков (тот самый, который летал с Чкаловым в Америку через Северный полюс). Прибыл я в НИИ, где меня, младшего офицера, местные капитаны и майоры приняли не очень дружелюбно, с недоверием относились к моим словам. А я и не мог им все говорить без специального разрешения. Тут входит инженер-полковник Угер. Послушал немного и пригласил в свой кабинет, стал задавать вопросы со знанием дела: какая специальность? Где проходил практику? Чем управлял? Он все понял, привел в лабораторию, приказал дать мне закрытый журнал и ни о чем не спрашивать. Через несколько дней меня вызвали к Байдукову. Пришел к назначенному времени, а в приемной — генералы и полковники в очереди. Доложил секретарю.

— А, Романовский! Проходите.

Прошел тамбур, вхожу. А там перед огромным окном стоят две стремянки, на них две девицы вешают шторы, а генерал стоит на письменном столе и ими командует. Попросил их удалиться. Я представился.

— Ну что, хотите остаться в институте? — спросил он.

— Никак нет, товарищ генерал! Надо войну закончить.

Тем не менее он вызвал адъютанта, велел ему запи-

сать все мои координаты, а мне сказал: «Захотите работать у нас, дайте знать!»

После моего отказа уйти с фронта отношение ко мне окружения в НИИ резко изменилось. Мне дали талончики на питание в генеральской столовой. По-видимому, мои записи регулярно читались, и мне предложили продлить командировку, чтобы я подготовил технические предложения по решению задачи визуальной информации на борт самолета. Командировку продлили, и опять за подписью начальника Генштаба армии! Между прочим, когда я рассказал Ноздровскому о своем разговоре с Байдуковым, то выяснилось, что Байдуков — его ученик и что он и Туполев знакомы с 1904 года. Я несколько раз видел Туполева на квартире у Степана Андреевича. Забегая вперед, скажу, как удивился Борода, когда Андрей Николаевич увидел меня в коридоре главного здания в институте и попросил поговорить с ним после встречи с Курчатовым. Мир тесен!

А к Игорю Васильевичу Курчатову я попал после демобилизации из армии.

Еще в 1945 году в Ленинграде я встретил Татьяну Фирсову, сестру Олега Борисовича Фирсова. (Фирсовы были друзьями моей бабушки, а Татьяну я знал еще по школе.) Она была уже женой И.И. Гуревича. Они пригласили меня погостить в Москве, в районе Покровское-Стрешнево. Исая Исидорович и порекомендовал меня И.В. Курчатову. С апреля я был зачислен младшим научным сотрудником в сектор И.В. Курчатова. Вскоре перешел в сектор И.И. Гуревича, где сделал пересчетку собственной конструкции и получил за это первую в своей жизни премию — 1000 рублей.

Первое время жил у С.А. Ноздровского. Когда Степан Андреевич узнал, что квартиру мне дадут только через год, предложил пожить у него. В этой же квартире мне пришлось устраивать поминки после его похорон в 1946 году...

Членом партии я стал на фронте, в предновогоднюю ночь 1942 года. В институте был партгором в секторе Гуревича, членом парткома ЛИПАНа. В 1954 году меня вызвал к себе заведующий отделом оборонной промышленности ЦК КПСС И.Д. Сербин и сообщил, что я рекомендован начальником политотдела № 133 нашего института (откажешься — партбилет на стол!). Так я стал заместителем Курчатова по политработе.

В начале 1955 года мне предложили работу в ЦК КПСС в качестве инспектора по атомным вопросам. Я согласился, так как понимал, что без одобрения Бороды такой шаг не сделали бы. В 1956 году И.В. Курчатов помог мне вернуться в институт и дал право выбирать место работы. Я пошел к Л.А. Арцимовичу, с которым проработал 19 лет — научным сотрудником, старшим научным сотрудником, начальником сектора, начальником отдела и его заместителем. Несколько лет был начальником Отдела научно-технической информации института. По мере сил продолжаю служить науке, пытаюсь оставить потомкам информацию о становлении и развитии атомной науки и техники в нашей стране.

Материал подготовили
Л. Голубчиков,
К. Карташев.

КУРЧАТОВЕЦ

7